

А. А. Рогожин

<https://orcid.org/0000-0001-6152-9408>

✉ rogozhin_alexander@bk.ru

*Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет (Россия, Москва)*

ОТЕЦ-ПРАВИТЕЛЬ И ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СОЧИНЕНИЯХ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

Аннотация. Статья посвящена процессу формирования образа патриархальной власти, происходившему в России в 1720-е годы. Основным механизмом формирования образа стал перенос на отношения правителя и подданных парадигмы отношений отца и детей. Особую роль в этом восприятии отношений господства и подчинения сыграла политическая трактовка пятой заповеди «Чти отца твоего и матери твою». Подобная трактовка была распространена после Реформации в протестантских и католических катехизисах, впоследствии приводилась в сочинениях, вышедших из круга киевского митрополита Петра Могилы. Речь шла о том, что наряду с биологическими родителями объектом сыновнего почитания должны быть представители власти, в первую очередь правитель, но также и его сановники, духовные власти, преподаватели и т. п. В петровскую эпоху к этой трактовке обратился Феофан Прокопович, посвятив «отцовской» власти правителя пространные пассажи в известном катехизисе «Первое учение отроком», впервые опубликованном в 1720 г., а также в своих проповедях. Именно в этих текстах подданным транслировался идеал поведения, согласно которому от «подвластных» требовалось почет и безоговорочное подчинение правителью, тогда как последний отвечал «отеческим попечением». Обращение к политической трактовке пятой заповеди было еще одним проявлением принципа «власти от Бога», центрального для политического богословия Феофана Прокоповича. В распространении образа патриархальной власти свою роль сыграла и его сочетаемость с идеей «общего добра». В петровской идеологии образ патриархальной власти служил политико-богословским основанием «регулярного полицейского государства», позволяя приравнивать надзор и тщательную регламентацию быта подданных к «отеческому попечению» о них. В послепетровскую эпоху образ патриархальной власти трансформировался в панегирическую топику «матушки императрицы», «матери Отечества». Таким образом, образ патриархальной власти стал частью политической идеологии имперской России.

Ключевые слова: Феофан Прокопович, патриархальная власть, политическое богословие, катехизис, наставление, Декалог

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Синодальная реформа Петра I в богословско-политическом измерении: государственное православие или православная государственность?» при поддержке Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и Фонда «Живая традиция».

Автор благодарит кандидата исторических наук М. А. Корзо за ценные советы и замечания, а также за возможность ознакомиться с текстом первого издания «Первого учения отроком» 1720 г.

Для цитирования: Рогожин А. А. Отец-правитель и патриархальная власть в сочинениях Феофана Прокоповича // Шаги/Steps. Т. 11. № 4. 2025. С. 86–103. EDN: HDUUFP.

Поступило 5 декабря 2024 г.; принято 28 октября 2025 г.

Shagi / Steps. Vol. 11. No. 4. 2025
Articles

A. A. Rogozhin

<https://orcid.org/0000-0001-6152-9408>

✉ rogozhin_alexander@bk.ru

St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities
(Russia, Moscow)

FATHER-RULER AND PATRIARCHAL AUTHORITY IN THE WORKS OF FEOFAN PROKOPOVICH

Abstract. The article is devoted to the formation of the image of patriarchal authority that took place in Russia during the 1720s. The main mechanism behind this process was the transposition of the paradigm of father-child relations onto the relationship between ruler and subjects. A particularly significant role in shaping this perception of domination and subordination was played by the political interpretation of the Fifth Commandment, “Honor thy father and thy mother”. Following the Reformation this interpretation became widespread in both Protestant and Catholic catechisms, and later was reproduced in works published by Kyiv Metropolitan Petro Mohyla (Peter Mogila). According to this view, along with one’s biological parents, representatives of authority — primarily the sovereign, but also officials, clergy, teachers, etc. — were to be honored as paternal figures. During the Petrine era, this interpretation was taken up by Feofan Prokopovich, who devoted extensive passages to the sovereign’s patriarchal authority in his well-known catechism “A Child’s First Lesson”, first published in 1720, as well as in his sermons. These texts conveyed to the subjects an ideal model of behavior requiring reverence and unconditional obedience to the ruler, while the latter, in turn, was to exercise “paternal

care". The political reading of the Fifth Commandment represented yet another manifestation of the principle of "power from God", which lay at the heart of Feofan Prokopovich's political theology. The image of patriarchal authority also gained popularity due to its compatibility with the concept of the "common good". In Petrine ideology, the notion of patriarchal power served as a politico-theological foundation for the "well-ordered police state", enabling the equation of supervision and the meticulous regulation of subjects' daily lives with the ruler's paternal concern for their welfare. In the post-Petrine period, the image of patriarchal authority was transformed into the panegyric trope of the "little mother-empress", the "mother of the Fatherland". Thus, the ideal of patriarchal rule became an integral part of the political ideology of imperial Russia.

Keywords: Feofan Prokopovich, patriarchal authority, political theology, catechism, instruction, Decalogue

Acknowledgments. The article was prepared in the framework of the project "Synodal reform of Peter I in the theological and political dimension: State Orthodoxy or Orthodox statehood?" with the support St. Tikhon's Orthodox University for the Humanities and the "Living Tradition" Foundation.

The author thanks Cand. Sci. (History) M. A. Korzo for valuable advice and comments, as well as the opportunity to get acquainted with the text of the first edition of "A Child's First Lesson" of 1720.

To cite this article: Rogozhin, A. A. (2025). Father-ruler and patriarchal authority in the works of Feofan Prokopovich. *Shagi / Steps*, 11(4), 86–103. EDN: HDUUFP. (In Russian).

Received December 5, 2024; accepted October 28, 2025

Политическая рефлексия по поводу патриархальной власти в европейской культуре имеет многовековую историю. Тем не менее для исследователей патриархализм политической мысли чаще всего связан с английским интеллектуальным контекстом XVII в. [Cuttica 2012; Schocet 1988: 10–16]. Такое направление едва ли может помочь нам при изучении идеологии или идеологий петровского правления. В России в среде эрудированных богословов были известны протестантские сочинения, а именно благодаря протестантским теологам представления о патриархальной власти через политическую трактовку заповеди «Чти отца твоего и матерь твою», т. е. через перенесение ее на правителей государства, стали популярными в Европе в период ранней Реформации. Этому процессу посвящена работа Р. Д. Баста, наиболее подробное на настоящий момент исследование эволюции протестантских катехизисов [Bast 1997]. Наше исследование будет сосредоточено в первую очередь на элементах образа патриархальной власти, основанного на идее почитания

правителя как отца своих подданных. Эти элементы наиболее отчетливо проявляются в специфической трактовке заповеди Декалога.

Э. Шашхалми относил образ отца-правителя к основам русской политической культуры допетровской эпохи [Sashalmi 2022: 274], опираясь при этом на статью В. Кивельсон [Kivelson 1997]. Однако стоит отметить, что в обоих случаях речь шла лишь о самом присутствии этого образа в культуре, а не об исследовании оснований идеологии патриархальной власти, судя по всему, из-за отсутствия их внятного описания в текстах XVI–XVII вв. На основные источники образа отца-правителя, распространившегося в петровскую эпоху, обратила внимание Л. Хьюз [Hughes 1998: 94–96]. В этом ракурсе особого внимания заслуживает и патrimonиальная интерпретация государства в России начала XVIII в., сквозь призму которой можно иначе оценивать и траекторию развития политической мысли [Pipes 1974]. К. С. Ингерфлом настаивал, что в петровской России по-прежнему господствовало традиционное патrimonиальное представление о государстве как «вотчине» государя [Ingerflom 2013; 2016]. О. В. Хархордин, не отрицая патrimonиальную природу государства в петровскую эпоху, отметил и те новации, которые постепенно появлялись в политическом языке начала XVIII в., в частности, восприятие *dominium* как *patria* [Хархордин 2011: 21–39, 47–49].

Патриархальная власть не исключает патrimonиальной интерпретации и, более того, со всей очевидностью близка к ней, но все же приравнивать их будет неправильным. Представление о государстве как о вотчине правителя не ведет с неизбежностью к признанию особого рода отношений между правителем и подданными. Последние могли оставаться всего лишь служителями владельца этой вотчины, его «холопами», «рабами» [Poe 1998]. Это отнюдь не исключало «попечения» правителя о своих подданных, ведь с патrimonиальной точки зрения это не только правильно с религиозной или этической стороны, но, в конце концов, просто целесообразно. Патrimonиальную интерпретацию без существенных поправок можно сочетать с идеей патриархальной власти и избежать при этом противоречий, но все же нас будет интересовать патриархальная политическая рефлексия в чистом виде. Она предполагает уподобление правителя отцу, при котором подданные должны были считаться его детьми. От подданного теперь требовалось не просто исполнение повелений, но искреннее, осознанное рвение их выполнить, понимание, ради чего эти повеления отдаются, и горячая поддержка правителя, работающего ради «общего добра». Вероятно, образ патриархальной власти был важен еще и потому, что беспрепятственно соединялся с распространенными в петровской идеологии идеями «общего блага», «общего добра» или «общей пользы».

Само по себе обращение к образу патриархальной власти не было новацией Феофана Прокоповича, известного проповедника и богослова петровской эпохи, равно как и кого-либо из его предшественников, последователей или оппонентов. Более того, в конце 1710-х — начале 1720-х

годов патриархальную парадигму воспроизводили в своих сочинениях не только Феофан, но и другие представители церковной иерархии, в той или иной степени имевшие отношения к выработке государственной идеологии позднепетровской эпохи [Абрамзон 2010: 253–255]¹. Предпочтение Прокоповичу отдано в нашей статье потому, что он наиболее последовательно рисовал образ патриархального правления, а его богословские наработки предопределили развитие политических идей. В своем раннем сочинении «Повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими» он прояснил в том числе и сущность отношений отца и сына. Он сравнивал два способа «законотворения», «рабский» и «сыновний», отмечая, что последний предполагал «любить [...] ради его самаго», т. е. ради «Отца», Господа [Книжица 1784: 34–35]². В этом отрывке из сочинения Феофана можно найти отголоски европейских споров о «чистой любви» [Хондзинский 2013: 205–208, 227–233], но в политико-богословской перспективе важнее представляются выводы, которые позднее будут проистекать из этого первоначального тезиса. Опираясь на свое богословское сочинение, Феофан предлагал новую парадигму отношений правителя и подданных.

Пристальное внимание к обоснованию власти Петра I в новом русле начинается после возвращения царя из второго путешествия в Европу. Особую роль в этом сыграло расследование дела царевича Алексея, не-приятно поразившее царя распространенностю оппозиционных настроений в России [Бушкович 2008: 390–432]. Феофан Прокопович в этот период был одним из тех иерархов, которые, судя по всему, искренне поддерживали решения царя. Ответом на вероятные мнения противников петровских преобразований стала одна из самых известных проповедей Прокоповича, «Слово в неделю цветную о власти и чести царской», произнесенная в 1718 г. В ней Феофан прямо обратился к сравнению правителя с отцом своих подданных. Он предложил публике трактовки, вскоре распространившиеся благодаря его катехизическим произведениям. Власть царя как отцовская власть подается через ссылку к пятой заповеди Декалога «Чти отца твоего и матерь твою». Именно в этом «Слове» Феофан провозглашал:

...оныи бо суть Господия, сии же и отцы: и что глаголю? сей, и все, и всякий самодержцы отцы суть; в которой бо оной заповеди даси место сему должносту нашему, еже почитати от души, и за совесть власти, аще не в сей: чти отца твоего. Тако вси бого-мудрии учительне твердят, тако сам законодавец Моисей толкует: и что больше? власть есть самое первейшее и высочайшее отечество, на них бо висит не одного некоего человека, не дому одного, но всего великаго народа житие, целость, беспечалие [Слова и речи 1760–1774 (1): 257].

---

¹ См. раннее использование парадигмы «отец — сын» для описания отношений правителя и подданных в [Письма и бумаги 2023: 135].

² Подобная же оппозиция рабского — сыновнего почитания Бога встроена и в «Первое учение отроком» [1720. Л. 30–31].

Своего рода подготовительной работой к имплементации в катехизическом творчестве «политической» трактовки пятой заповеди стало ее «тестирование» в связке с «совестью» и «натуральным законом». Исследователи отмечали, что «естественное право» в версии Феофана не просто не противопоставлялось или не отрывалось от Божественных предписаний, оно органично растворялось в них [Бугров, Киселев 2016: 57–82]. В «Слове о власти и чести царской» Феофан говорил именно о пятой заповеди в контексте «закона», поставленного Богом в «самом естестве», отнеся требование ее соблюдать к той силе, которая «в естестве нашем всеянна есть». Принципиальным понятием при таком порядке становится «совесть», ведь теперь Феофан призывал не просто бояться грядущего наказания, но и опасаться собственной совести, которая была «законов и учителем и свидетелем» [Слова и речи 1760–1774 (1): 245–246]. Однако Прокопович нашел и иное решение. В своем раннем катехизисе, написанном вскоре после прибытия в Санкт-Петербург, Феофан связал само появление заповедей, в том числе и о почитании «родителей иластей», с существованием совести, написав, что от нее «произошли во всех и грубейших народех уставы и суды, еже бы почитати родители иласти, не бити, не красти, не прелюбодействовать, и прочая» [Диалогисм 1766. Л. 15]. К этой идеи Феофан вернулся спустя полтора десятилетия в начале 1730-х годов, когда работал над своим последним катехизисом, также оставшимся в рукописи [Корзо 2014b: 267–273]. В нем уже в разъяснении пятой заповеди на первом плане появляется правитель, но сама перспектива человеческой совести и «естественного права» остается прежней: «Всяк бо ведает, что любить и бояться Бога, и почитать чин отеческий: Царя, родителей, благодетелей, и прочая надлежит» [Сокращенное христианское учение 1765. Л. 54–54 об.]. Введение заповедей в эту систему превращало их несоблюдение в противоречие самой природе, появившейся по воле Творца.

Истинно отцовское правление и истинно сыновнее повиновение, будучи проявлением патриархальной власти, должны были сочетаться с искренним принятием существующей иерархии, убежденности в ее правильности. Триада «Бог — правитель — отец» приводила к тому, что богоустановленное воспринималось как бы поверх биологического. Феофан предусматривал такую ситуацию в случаях, когда на престол избирают царя, как это было в выборной монархии, или же престол передается по завещанию от деда внуку, исключив сына. В таких случаях, как писал Феофан, «сын Государь, и отцу своему Государь будет, и сын по естеству, будет уже отцу своему отец по высочайшей власти своей» [Правда 1722: 15]. Впрочем, в «Правде воли монаршей» мнение Феофана работало иначе, предлагая читателям не столько модель патриархальной власти, сколько патrimonиальную трактовку самого государства и, соответственно, права Петра I как отца в смысле *pater familias* распорядиться им любым образом по отношению к своим естественным наследникам. Но, хотя в эксплицитном виде патриархальные отношения правителя и подданных прояв-

лялись и на страницах «Правды воли монаршей», это было скорее исключением, ведь трактат писался с иными целями. Однако в начале 1720-х годов Феофан смог развернуть наиболее последовательное обоснование патриархальной природы власти правителя в одном из самых известных сочинений петровской и постпетровской эпохи — катехизисе «Первое учение отроком». В нем объяснение пятой заповеди построено на основе образа патриархальной власти.

Насколько можно судить, до начала XVIII в. Декалог играл сугубо второстепенную роль в русской традиции. Его первоначальное бытование в православной среде было весьма ограниченным, и лишь в течение XVII в. произошло постепенное распространение, в исповедных практиках или в катехизических сочинениях. Но даже здесь есть свои нюансы, проявившиеся в популярных в XVII — начале XVIII в. букварях. Букварь, помимо собственно грамматической части, состоял из перечня текстов катехизического назначения. Среди этих наставлений для верующих приводились и собственно заповеди. Однако нигде мы не встречаем трактовки пятой заповеди в интересующем нас направлении почитания и подчинения правителю. Более того, заповеди просто приводились как таковые, без каких-либо пространных пояснений, что под ними подразумевается и что бывает за их нарушение [Начальное учение 1637. Л. 59 об.—60; Букварь 1679. Л. 53 об.—54; 1696. Л. 24 об.—25]. Стоит иметь в виду и преемственность текстов букварей по отношению друг к другу. Порой части старого букваря воспроизводились в новых практических в том же виде [Сетин 1982: 104; Шустова 2018: 179—181]. По этим причинам можно прийти к выводу, что до «Первого учения отроком» в России не появлялись элементарные катехизические сочинения, в которых присутствовали бы трактовки и пояснения к Декалогу [Корзо 2014а: 50—55].

Тем не менее в XVII в. политическая трактовка пятой заповеди стала известна киево-могилянским богословам через посредничество католических и протестантских катехизисов. В напечатанной в Москве в 1649 г. сокращенной версии катехизиса Петра Могилы под названием «Собрание краткия науки о артикулах веры» в объяснении пятой заповеди признавалось, что «под именем» родителей имелись в виду «учители, господие, начальствующий в чинех: и иже яковым любо образом благое нам творящий» [Собрание 1649. Л. 62—62 об.]. Подобный же пассаж мы встретим и в «Православном исповедании» Петра Могилы, вышедшем в Москве полвека спустя [Православное исповедание 1696: 174—176]. Такие же трактовки встречаются в вероятных источниках этого сочинения, в частности, католическом «Римском катехизисе» (об источниках «Православного исповедания» см.: [Корзо 2003: 33—56]). Однако, по мнению исследователей, «Первое учение отроком» со всей очевидностью было инспирировано протестантскими катехизисами. Они все в той или иной степени связаны с катехизическими сочинениями М. Лютера [Корзо 2017: 10; Ivanov 2020: 66—67], благодаря которым политическая трактовка заповеди распространилась в протестантской среде Европы [Bast 1997: 146—234].

Но эта интерпретация не сразу стала популярной в петровскую эпоху, и даже сам Петр I не использовал ее. В записке о заповедях и их нарушителях, обращаясь к нарушению заповеди «Чти отца твоего и мать твою», он вообще предпочитает не говорить об отношении к правителю. По его мнению, преступающие эту заповедь либо не почитают своих естественных отцов, либо же не почитают пастырей, т. е. отцов духовных [Законодательные акты 2020: 392–393]³. В оригинале, написанном Петром I, дата «1722 г.» была проставлена позднее архивистами, поэтому записку можно датировать лишь предположительно. Вероятно, она была написана в период подготовки Феофаном «Первого учения отроком» с разъяснением Декалога и отразила собственное мнение царя на этот счет. Однако записи Петра I в целом связаны с его интересом к катехизисам, наставлениям в истинной вере. Известно, что к 1723 г. относятся повеления Петра I о переводе «римского, лютерского и кальвинского» катехизисов, и в том числе «Большого катехизиса» М. Лютера, привезенного из Риги. Но, вероятно, этот интерес появился раньше, хотя единственным свидетельством остается перевод И. В. Паусом «Малого катехизиса» Лютера. Перевод не был напечатан, его бытование осталось ограниченным, и на настоящий момент известно лишь несколько его списков [Менгель 2021: 237–240]. Тем не менее уже в этом сочинении Лютер ввел политическую трактовку заповеди о почитании родителей, хотя и без какого-либо подробного пояснения. Все вместе это позволяет видеть заслугу Феофана скорее в масштабе транслирования своих идей, а не в новаторстве как таковом.

«Первое учение отроком» беспрецедентно по той роли, которую оно играло или, скорее, должно было играть для населения Российской империи. Сочинение Феофана должно было стать начальным пособием в архиерейских школах, пройти через которые предполагалось обязательным для всех будущих священников [ПСЗРИ (6): 697–699]. Также предполагалось, что написанные Феофаном Прокоповичем наставления будут читать в церквях вместо Поучений Ефрема Сирина и избранных отрывков из творений Святых Отцов [Там же (7): 26]. В синодском указе по этому поводу пояснялось, что такое чтение для готовящихся к исповеди и причастию верующих, пришедших в церковь, поможет им сосредоточиться и, «осмотряся в своей совести», подготовиться должным образом к предстоящим таинствам. Экзегетические приемы в сочинении, в том числе политическая трактовка пятой заповеди, превращались в инструмент трансляции идеологии, предпочтительной, с точки зрения властей, для распространения среди населения. В «Первом учении отроком», в отличие от «Православного исповедания», Феофан не ограничился простым упоминанием правителей в числе «родителей», почитание которых требовалось от человека; он поставил эту трактовку в основу своей интерпрета-

³ Петр I написал эту заповедь четвертой по счету, потому что в первом пункте объединены заповеди «Аз есмь бог твой, да не будут тебе бози ини, разве мене» и «Не сотвориши себе кумира». Такое распределение заповедей не было принято в православной традиции.

ции пятой заповеди, начиная с нее и подробно описывая само подчинение «сына-подданного» «отцу-правителю» в такой системе.

В «Первом учении отроком» разъяснялось, кто имелся в виду в пятой заповеди, помимо биологических родителей. Феофан распространил идею отцовской власти за пределы семьи, поставив на вершину социальной иерархии правителя. Именно его стоило почитать как своего отца и прежде всех остальных. Феофан начинал свою трактовку с вводного пояснения:

Велит подобающую воздавать честь всем тем, котории нам отцы или матери суть. Не о единех бо только родителех речь зде есть, но и о прочиих, имя и чин отеческий имущых над нами [Первое учение отроком 1720. Л. 10 об.].

Далее Феофан продолжал, разъясняя суть введенного им оборота «имя и чин отеческий имущих над нами». Он писал, что первый «чин отеческий суть власти предержащыи, на управление народа от Бога уставленнии, яковая в первых есть высочайшая власть Царская» [Там же. Л. 11]. Собственно, в этом предложении разворачивается вся феофановская метафизика власти, которая в куда более подробном виде встречалась на страницах «Правды воли монаршей» или в текстах его многочисленных проповедей. Правитель поставлен «от Бога», и Феофан даже избегает традиционных ссылок на Священное Писание, в частности на Послание Павла к Римлянам, вероятно, считая этот тезис само собой разумеющимся.

Целью правителя представляется «управление народа», и буквально в следующих пассажах Феофан подробнее разъясняет эту «должность»:

Царей должность есть содержать подданных своих в беспечалии, и промышлять оным всякое лучшее наставление, как к благочестию, так и к честному жителству [Первое учение отроком 1720. Л. 11].

На этом пути у правителя нет соперников, и он не должен ни с кем разделять тяготы своего правления, напротив, «и того ради должны Царие смотреть на вся подручныя им власти духовныя, воинския, гражданския, всяк ли управляет дело свое как надлежит» [Там же]. В свою очередь и подданные имеют целый ряд обязанностей перед правителем, которые перечислял Феофан. Все они проис текали из того факта, что «подданинни, как добрии сынове должны Царем сия именно почести» [Там же]. Но даже после обширного пояснения о правителях как «первом чине отеческом» Феофан отнюдь не возвращается к биологическим родителям. Продолжая идти вниз по иерархии отцовской власти, он утверждает, что второй «чин отечества, суть общии под Царем народа управители, а именно пастыри духовнии, сенатори, судии, и прочии гражданскии начальники, вожди воинскии» [Там же. Л. 11 об.]. Лишь после перечисления их «должностей» Феофан наконец-таки доходит до «естественных родителей», «третьего чина отечества». Именно здесь он впервые поясняет, почему правители

и «управители народа» стоят в иерархии подчинения выше «естественных родителей»:

...ибо два чини вышепомянутии попечение имеют о добре об-
щем, и по тому большого достоинства суть паче естественных ро-
дителей [Первое учение отроком 1720. Л. 12].

Последними «чинами отечества» в этой иерархии будут «благодетель», наставник и «господин», а также «старая лица» в целом, безотносительно родственных или иных связей. Подобная тщательно выстроенная иерархия позволяет Феофану подытожить трактовку заповеди простым и уверенным ответом на вопрос о подчинении: как стоит поступать, когда повеление одного «отеческого чина» противоречит другому? Феофан оставляет пространство для выбора, предлагая, если один чин другому не подчинен, «не подручен есть», «не смотри на лица, но на дела тебе должна» [Первое учение отроком 1720. Л. 13 об.–15 об.]. Но в политическом отношении важнее другой вывод Феофана, применительно к ситуации, когда один чин другому «подручен»:

Аще же един из них другому подручен есть, слушай большого. На-
пример: велит тебе нечто господин или родитель твой, чего не
велит чин правительственный гражданский, сего слушай а не
господина, ниже родителя: а когда бы и правитель гражданский
повелевает то, что Царь запрещает, не слушай правителя, но
Царя [Там же. Л. 15 об.].

Политическая власть остается господствующим авторитетом в любых вопросах, потому что никаких ограничений или уточнений по поводу смысла «повелений» Феофан не вводит. Патриархальные образы в «Первом учении отроком» использовались им для того, чтобы в очередной раз представить власть царя наивысшей, которой должны подчиняться и с которой должны соотносить свое поведение все без исключения члены «гражданского сожития».

Воспроизведение этого патриархального образа стало особенностью поздней петровской и даже постпетровской идеологии. Уже принятие Петром I титула *Отец Отечества* не только отсыпало к имперской истории Рима, но и имело отчетливые патриархальные очертания «отеческого попечения» правителя о своих подданных⁴. Феофану эта идея была понятна, ведь «отеческое попечение» по отношению к подданным встречалось еще в «Слове похвальном в день рождения благороднейшаго государя царевича и великого князя Петра Петровича», произнесенном осенью 1716 г. [Слова и речи 1760–1774 (1): 107]. В 1721 г. Синод и Сенат, презентируя весь народ, утверждали, что правитель проявил свое попечение о подданных, поэтому они просили его принять новый титул «во-

⁴ Само использование титула *Отец Отечества* по отношению к Петру I для Феофана не ново, так он именовал царя еще в 1709 г. в своей панегирической речи о победе в Полтавской битве [Слова и речи 1760–1774 (1): 28].

знак малого нашего признания толиких отеческих нам и всему нашему отечеству показанных благодеяний» [ПСПР 1879: 335] (см. также: [Законодательные акты 1945: 157–158]). Кроме того, в протоколе конференции Святейшего Синода, равно как и в реляции о поднесении Петру I императорского титула, «отцовство» правителя обретает основания в риторических приемах, где в качестве «отрожденного» ребенка фигурирует «новая Россия». Патриархализм «Отца Отечества» более никак не пояснялся самим Феофаном, но, например, в Большом катехизисе М. Лютера, который часть исследователей считает ориентиром для «Первого учения отроком» [Ivanov 2020: 66–67], «pater patriae» прямо связывается с сущностью патриархальной власти, отцовским попечением правителя о подданных [Лютер 2012: 43].

Связь «Первого учения отроком» и представленной в нем «политической» трактовки пятой заповеди с принятием титула *Отец Отечества* отнюдь не произвольна. Л. Хьюз наблюдала в этом религиозные параллели, превратившие катехизис в средство, позволявшее свести воедино образ «Отца Отечества» и образ Отца Небесного [Hughes 1998: 96]. Идея эта не нова и встречалась уже у А. Безансона [1999: 69]⁵, вообще считавшего особенностью политической идеологии петровской эпохи перенос внимания с уподобления правителя Иисусу Христу на уподобление Богу Отцу. Однако реинтерпретация этой идеи могла проводиться и через перенос прерогатив отсутствующего патриарха на императора. Р. Уортман прямо пишет о том, что принятие титула *Отец Отечества* равносильно претензиям Петра I на статус «духовного отца своей паствы» [Уортман 2002: 97]. Тем не менее стоит отметить — использование образа патриархальной власти вообще и принятие соответствующего титула в частности могли восприниматься противниками петровских преобразований как претензии Петра на пастырские прерогативы [Полонский 2016: 416], но это совсем не то же самое, что признание этих претензий первоначальной интенцией как императора, так и Феофана Прокоповича.

Образ патриархальной власти стал востребован в конце 1710-х — начале 1720-х годов в первую очередь потому, что проблема обоснования преобразований обострилась именно в этот период. До этого можно говорить лишь об отдельных попытках объяснить подданным цели и суть политики Петра I, которые едва ли представляли собой цельную идеологическую программу. Свою роль в повышенном внимании к работе над идеологией сыграло дело царевича Алексея, продемонстрировавшее Петру I степень неприятия его преобразований подданными. Вместе с тем к концу 1710-х годов уже произошли решающие события в войне со Швецией, что позволило Петру I сосредоточиться на строительстве «регулярного государства». Процесс этого строительства на практике требовал от власти тщательной регламентации поведения подданных, а вместе с тем неусыпного надзора и инструментов его осуществления.

---

⁵ Первое издание книги А. Безансона «Le Tsarévitch immolé. La symbolique de la loi dans la culture russe» вышло в Париже в 1967 г.

Образ патриархальной власти стал одним из результатов поиска решений. Стоит вспомнить, что, по наблюдению Э. Зицера, ранние годы правления Петра были посвящены как раз борьбе с образом патриархальной власти [Зицер 2008: 70]. Однако то, что пригодно к использованию среди близких приятелей и соратников, соединенных общей идеей божественного избранничества и харизмы царя, не всегда было возможно успешно транслировать на подданных. Зато патриархальная риторика успешно переносилась на преемников Петра I. С восшествием на престол Екатерины I «матушкой» для своих «сыновей»-подданных стала новая императрица, а панегирическая топика обрела новое направление и развитие в сторону образа «матери Отечества» [Проповеди 1901: 467, 478, 480; Слова и речи 1760–1774 (2): 107, 110, 194, 197]⁶. Встречая в 1732 г. в Новгороде императрицу Анну Иоанновну, в своей речи Феофан вернулся к той же риторике, обращаясь к правительнице: «...желаем от Всесвятого Бога нашего <...> чтоб Тебе не от страха, но от любви сыновней почитали» [Там же (3): 143].

Естественная сочетаемость патриархализма с идеей божественного избранничества правителя также позволяла обосновать власть правителя в границах традиционного политico-богословского дискурса [Hulliung 1974: 414–415]. Сама по себе идея богоизбранности позволяла объяснить, почему надо подчиняться правителю, но никак не легитимировала его право, как писал Прокопович, «законно повелевати народу, не только все, что к знатной ползе отечества своего потребно, но и все что ему ни понравится: только бы народу не вредно, и воли божией не противно было» [Правда 1722: 36]. Идея отца-правителя позволяла приравнять всеобъемлющий надзор над подданными к «отцовскому попечению» над своими «сынами», ведь кому, как не «отцу», лучше знать, что потребно его «детям». Даже в пределах патrimonialного видения государства патриархализм помогал ответить на вопрос, почему об «общем добре» должны печься и сами подданные тоже. Если рвение «раба» в «вотчине» своего господина свойство вполне опциональное, то подобное отношение «сына» в «вотчине» своего отца естественно и оценивается как предписанное свыше правильное поведение.

Роль предлагаемого Феофаном Прокоповичем образа патриархальной власти состояла не только в том, что таким образом подданным предписывалось правильное поведение, но и в том, что это поведение вводилось в систему религиозных ценностей. Верный подданный был обязан почитать своего правителя не только в силу каких-либо гражданских постановлений, но и потому, что это часть неотменимого Божьего Закона, который должен исполняться всеми верующими, рассчитывающими на спасение. Очевидно, что в этом контексте любое иное отношение можно рассматривать не просто как государственное преступление, но и как нарушение божественных заповедей, в результате чего противя-

---

⁶ Мнение К. Кармазин о параллелях между образом Екатерины I и Богоматери едва ли можно считать обоснованным. См.: [Karmazin 2004: 49–60].

шийся власти воспринимался не только как преступник, требующий наказания, но и как грешник, не заслуживающий спасения. Царь и народ оставались по разные стороны общей ценности — «Отечества», связанные через отношения отцовства — сыновства. Если подданные должны были в рамках патриотической риторики оставаться верными «сынами российскими», то правитель возвышался над ними как Отец и Творец той самой России. Параллельное к *Отцу Отечества* понятие *сын отечества* впоследствии не только станет распространенным приемом в патриотической риторике, но и будет обладать существенным республиканским потенциалом [Абрамзон 2010; Schierle 2006: 347–367]. Однако это уже следствия произведенного в конце 1710-х — начале 1720-х годов идеологического поворота, которые едва ли могли быть предугаданы одним из его творцов.

Источники

- Букварь 1679 — Букварь языка славенска, сиречь начало учения детем, хотящым учиться чтению писаний. М.: Тип. Верхняя, 1679.
- Букварь 1696 — Букварь языка славенска хотящым детем учиться чтения писаний начало всех писмен достолепное начертание: К сему и иныя главизны потребныя во обучение должности христианския с душеспасителюю ползою. М.: [б. и.], 1696.
- Диалогисм 1766 — Диалогисм, сиесть беседа о догматех Православныя Церкви. СПб.: Синодальная тип., 1766.
- Законодательные акты 1945 — Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1: Акты о высших государственных установлениях / Под ред. и с предисл. Б. И. Сыромятникова. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1945.
- Законодательные акты 2020 — Законодательные акты Петра I. Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники: Сб. документов: В 3 т. / Сост. Н. А. Воскресенский. Т. 1: Акты об общественных классах / Отв. ред. Е. В. Анисимов; Предисл. и подгот. текста Д. О. Серов; Археограф. предисл. А. А. Богданов. М.: Древлехранилище, 2020.
- Книжица 1784 — Книжица, в ней же повесть о распре Павла и Варнавы с иудействующими, и трудность слова Петра апостола о неудобносимом законном иге про странно предлагается. М.: Университет. тип., у Н. Новикова, 1784.
- Лютер 2012 — Лютер М. Большой Катехизис / [Пер. с нем. А. А. Никитина]. Lahti: Suomen Tunnustuksellinen Luterilainen Kirkko, 2012.
- Началное учение 1637 — Началное учение человеком хотящим разумети божественного писания. М.: [б. и.], 1637.
- Первое учение отроком 1720 — Первое учение отроком. В немже буквы и слоги. Также: Краткое толкование законного десятисловия, Молитвы Господней, и Символа веры. СПб.: Тип. Троицкого Александро-Невского монастыря, 1720.
- Письма и бумаги 2023 — Письма и бумаги прибывщика Алексея Курбатова (1700–1720-е годы) / Сост. и науч. ред. Д. Серов, А. Видничук, А. Жуковская, И. Федюкин. М.: [Изд. дом Высш. шк. экономики], 2023.
- ПСЗРЗИ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. 6. СПб.: Тип. II Отд-я Собств. Е. И. В. К., 1830; Т. 7. СПб.: Тип. II Отд-я Собств. Е. И. В. К., 1830.

- ПСПР 1879 — Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. 1: 1721. СПб.: Синод. тип., 1879.
- Правда 1722 — Правда воли монаршей. Во определении наследника державы своей, Уставом Державнейшаго Государя нашего Петра Великаго отца отечества Императора и Самодержца Всероссийскаго и прочая, и прочая, и прочая. М.: Моск. тип., 1722.
- Православное исповедание 1696 — Православное исповедание кафолический и апостольский церкви восточныя. М.: [б. и.], 1696.
- Проповеди 1901 — Проповеди Гавриила Бужинского (1717–1727): Историко-литературный материал из эпохи преобразований. Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1901.
- Собрание 1649 — Собрание краткия науки о артикулах веры. М.: [б. и.], 1649.
- Сокращенное христианское учение 1765 — Сокращенное христианское учение. СПб.: Синод. тип., 1765.
- Слова и речи 1760–1774 — Феофана Прокоповича архиепископа Великаго Новаграда и великих Лук, Святейшаго Правительствующаго Синода Вице-президента, а по том первенствующаго Члена Слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя собранныя и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанныя: [В 4 ч]. СПб.: При Сухопут. шляхетном кадетском корпусе, 1760–1774.

Литература

- Абрамзон 2010 — Абрамзон Т. Е. Генезис и эволюция формулы *Сын(-ы) Отечества* (к вопросу о диалоге дискурсивных практик в России XVIII века) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2010. № 2 (28). С. 251–265.
- Безансон 1999 — Безансон А. Убиенный царевич: Русская культура и национальное сознание: закон и его нарушение / Пер. с фр. М. Антыпко, М. Розанова, Н. Рудницкой. М.: МИК, 1999.
- Бугров, Киселев 2016 — Бугров К. Д., Киселев М. А. Естественное право и добродетель. Интеграция европейского влияния в российскую политическую культуру XVIII века. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Университет. изд-во, 2016.
- Бушкович 2008 — Бушкович П. Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
- Зицер 2008 — Зицер Э. Царство Преображения: Священная пародия и царская харизма при дворе Петра Великого / Авториз. пер. с англ. Д. Хитровой, К. Осповата. М.: Нов. лит. обозрение, 2008.
- Корзо 2003 — Корзо М. А. «Православное исповедание веры» Петра Могилы: к вопросу о западном влиянии на киевское богословие XVII в. // Сравнительная история: методы, задачи, перспективы / Отв. ред. М. Ю. Парамонова. М.: ИВИ РАН, 2003. С. 33–56.
- Корзо 2014а — Корзо М. А. «В Десятословии ничтоже являет нам вечного обетования». К вопросу о месте Декалога в православной мысли XVII — начала XVIII вв. // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. № 1. С. 50–55.
- Корзо 2014б — Корзо М. А. Катехетические сочинения Феофана Прокоповича // Славянский альманах: 2013 / [Редкол.: Т. И. Вендина и др.]. М.: Индрик, 2014. С. 263–280.
- Корзо 2017 — Корзо М. А. О протестантских влияниях действительных и мнимых: православные катехизисы от Стефана Зизания до Феофана Прокоповича // Вивліоїка: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies. Т. 5. 2017. С. 5–17.

- Менгель 2021 — Альтернативные пути формирования русского литературного языка в конце XVII — первой трети XVIII века. Вклад иностранных ученых и переводчиков / Отв. ред. С. Менгель. М.: Изд. Дом ЯСК, 2021.
- Полонский 2016 — Полонский Д. Г. «Отеческий» элемент титулатуры русских иерархов и монархов в XV—XVIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXVIII Междунар. науч. конф. Москва, 14–16 апр. 2016 г. / Редкол.: Ю. Э. Шустова и др. М.: Аквилон, 2016. С. 413–416.
- Сетин 1982 — Сетин Ф. И. «Буквари» Симеона Полоцкого в ряду древнерусских учебников XVI—XVII вв. // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Под ред. А. Н. Робинсона. М.: Наука, 1982. С. 93–104.
- Уортман 2002 — Уортман Р. С. Сценарии власти: мифы и церемонии русской монархии. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I / [Авториз. пер. с англ. С. В. Житомирской]. М.: ОГИ, 2002.
- Хархордин 2011 — Хархордин О. Основные понятия российской политики. М.: Нов. лит. обозрение, 2011.
- Хондзинский 2013 — Хондзинский П., прот. «Ныне все мы болеем теологией»: Из истории русского богословия предсинодальной эпохи. М.: Изд-во ПСТГУ, 2013.
- Шустова 2018 — Шустова Ю. Неизвестное издание московского Букваря 1679 г. из собрания отдела редких книг Российской государственной библиотеки // Детские чтения. 2018. № 1. С. 176–193.
- Bast 1997 — Bast R. J. Honor your fathers: Catechisms and the emergence of a patriarchal ideology in Germany, 1400–1600. Leiden; New York; Köln: Brill, 1997.
- Cuttica 2012 — Cuttica C. Sir Robert Filmer (1588–1653) and the patriotic monarch: Patriarchalism in seventeenth-century political thought. Manchester: Manchester Univ. Press, 2012.
- Hughes 1998 — Hughes L. Russia in the age of Peter the Great. New Haven; London: Yale Univ. Press, 1998.
- Hulliung 1974 — Hulliung M. Patriarchalism and its early enemies // Political Theory. Vol. 2. No. 4. 1974. P. 410–419.
- Ingerfлом 2013 — Ingerfлом C. S. “Loyalty to the state” under Peter the Great? Return to the sources and the historicity of concepts // Loyalties and solidarities in Russian society, history and culture / Ed. by P. R. Bullock et al. London: School of Slavonic and East European Studies UCL, 2013. P. 3–19.
- Ingerfлом 2016 — Ingerfлом C. S. Theoretical Premises and cognitive distortions from the uncritical use of the concept of “state”: The “Russian” case // Serve the power(s), serve the state: America and Eurasia / Ed. by J. C. Garavaglia, C. Lamouroux, M. J. Braddick. Newcastle: Cambridge Scholars Publishing, 2016. P. 223–243.
- Ivanov 2020 — Ivanov A. V. A Spiritual revolution: The impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 2020.
- Karmazin 2004 — Karmazin K. Catherine I of Russia: Creation of an empress through symbolism: PhD diss. / Stony Brook Univ. New York, 2004.
- Kivelson 1997 — Kivelson V. Merciful father, impersonal state: Russian autocracy in comparative perspective // Modern Asian Studies. Vol. 31. No. 3. 1997. P. 635–663. <https://doi.org/10.1017/S0026749X00017091>.
- Pipes 1974 — Pipes R. Russia under the Old Regime. New York: Charles Scribner’s Sons, 1974.
- Poe 1998 — Poe M. What did Russians mean when they called themselves “slaves of the Tsar”? // Slavic Review. Vol. 57. No. 3. 1998. P. 585–608.

Sashalmi 2022 — *Sashalmi E.* Russian notions of power and state in a European perspective, 1462–1725: Assessing the significance of Peter’s reign. Boston: Academic Studies Press, 2022.

Schierle 2006 — *Schierle I.* “Syn otečestva”: Der “wahre Patriot” // Russische Begriffs geschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat / Hrsg. von P. Thiergen. Köln: Böhlau, 2006. S. 347–367.

Schochet 1988 — *Schochet G. J.* The authoritarian family and political attitudes in 17th-century England: Patriarchalism in political thought. New Brunswick; London: Transaction Books, 1988.

References

- Abramzon, T. Ye. (2010). Genezis i evoliutsiiia formuly *Syn(-y) Otechestva* (k voprosu o dialoge diskursivnykh praktik v Rossii XVIII veka) [Genesis and evolution of the formula *Son(s) of Motherland* (discourse mode in Russia in the 18th c.)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2010(2, no. 28), 251–265. (In Russian).
- Bast, R. J. (1997). *Honor your fathers: Catechisms and the emergence of a patriarchal ideology in Germany, 1400–1600*. Brill.
- Besançon, A. (1967). *Le Tsarévitch immolé: La symbolique de la loi dans la culture russe*. Plon.
- Bugrov, K. D., & Kiselev, M. A. (2016). *Estestvennoe pravo i dobrodetel'*. *Integratsiia evropeiskogo vlianiia v rossiiskuiu politicheskuiu kul'turu XVIII veka* [Natural law and virtue: The integration of European influence into 18th century Russian political culture]. Izd-vo Ural. un-ta; Universitetskoe izd-vo. (In Russian).
- Bushkovitch, P. (2001). *Peter the Great: The struggle for power, 1671–1725*. Cambridge Univ. Press.
- Cuttica, C. (2012). *Sir Robert Filmer (1588–1653) and the patriotic monarch: Patriarchalism in seventeenth-century political thought*. Manchester Univ. Press.
- Hughes, L. (1998). *Russia in the age of Peter the Great*. Yale Univ. Press.
- Hulliung, M. (1974). Patriarchalism and its early enemies. *Political Theory*, 2(4), 410–419.
- Ingerflom, C. S. (2013). “Loyalty to the state” under Peter the Great? Return to the sources and the historicity of concepts. In P. R. Bullock et al. (Eds.). *Loyalties and solidarities in Russian society, history and culture* (pp. 3–19) School of Slavonic and East European Studies UCL.
- Ingerflom, C. S. (2016). Theoretical Premises and cognitive distortions from the uncritical use of the concept of “state”: The “Russian” case. In J. C. Garavaglia, C. Lamouroux, & M. J. Braddick (Eds.). *Serve the power(s), serve the state: America and Eurasia* (pp. 223–243). Cambridge Scholars Publishing.
- Ivanov, A. V. (2020). *A spiritual revolution: The impact of Reformation and Enlightenment in Orthodox Russia, 1700–1825*. Univ. of Wisconsin Press.
- Karmazin, K. (2004). *Catherine I of Russia: Creation of an empress through symbolism* (PhD Diss., Stony Brook Univ.).
- Kharkhordin, O. (2011). *Osnovnye poniatiiia rossiiskoi politiki* [Basic concepts of Russian politics]. Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Khondzinskii, P., Archpriest. (2013). “Nyne vse my boleem teologiei”: *Iz istorii russkogo bogoslovia predsinodal'noi epokhi* [“We are all sick with theology now”: From the history of Russian theology in the pre-Synodal era]. Izd-vo PSTGU. (In Russian).
- Kivelson, V. (1997). Merciful father, impersonal state: Russian autocracy in comparative perspective. *Modern Asian Studies*, 31(3), 635–663. <https://doi.org/10.1017/S0026749X00017091>.

- Korzo, M. A. (2003). "Pravoslavnoe ispovedanie very" Petra Mogily: k voprosu o zapadnom vliianii na kievskoe bogoslovie XVII v. [“The Orthodox Confession of Faith” by Peter Mogila: On the issue of Western influence on Kievan theology of the 17th century]. In M. Iu. Paramonova (Ed.). *Sravnitel'naya istoriya: metody, zadachi, perspektivy*. IVI RAN. (pp. 33–56). (In Russian).
- Korzo, M. A. (2014a). "V Desiatoslovii nichtozhe iavljaet nam vechnogo obetovaniia". K voprosu o meste Dekaloga v pravoslavnoi mysli XVII — nachala XVIII vv. [“Nothing gives us eternal promise in the Decalogue”: Some remarks to the place of the Decalogue in the Orthodox thought, the seventeenth — the eighteenth centuries]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii*, 2014(1), 50–55. (In Russian).
- Korzo, M. A. (2014b). Katekhicheskie sochineniya Feofana Prokopovicha [Catechetical writings of Feofan Prokopovich]. In T. I. Vendina et al. (Eds.). *Slavianskii al'manakh: 2013* (pp. 263–280). Indrik. (In Russian).
- Korzo, M. A. (2017). O protestantskikh vliianiakh deistvitel'nykh i mnimykh: pravoslavnye katekhizisy ot Stefana Zizaniia do Feofana Prokopovicha [On Protestant influences real and imaginary: Orthodox Catechisms from Stefan Zizani to Feofan Prokopovich]. *Vivliofika: E-Journal of Eighteenth-Century Russian Studies*, 5, 5–17. (In Russian).
- Mengel', S (Ed.) (2021). *Al'ternativnye puti formirovaniia russkogo literaturnogo iazyka v kontse XVII — pervoi treti XVIII veka. Vklad inostrannykh uchenykh i perevodchikov* [Alternative ways of formation of the Russian literary language in the late 17th – first third of the 18th century. Contribution of foreign scholars and translators]. Izdatel'skii Dom IaSK. (In Russian).
- Pipes, R. (1974). *Russia under the Old Regime*. Charles Scribner's Sons.
- Poe, M. (1998). What did Russians mean when they called themselves “slaves of the Tsar”? *Slavic Review*, 57(3), 585–608.
- Polonskii, D. G. (2016). "Otecheskii" element titulatury russkikh ierarkhov i monarkhov v XV–XVIII vv. [The “paternal” element of the titles of Russian hierarchs and monarchs in the 15th–18th centuries]. In Iu. E. Shustova et al. (Eds.). *Vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sovremenном nauchnom znanii: Materialy XXVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Moskva, 14–16 apr. 2016 g.* (pp. 413–416). Akvilon. (In Russian).
- Sashalmi, E. (2022). *Russian notions of power and state in a European perspective, 1462–1725: Assessing the significance of Peter's reign*. Academic Studies Press.
- Schierle, I. (2006). "Syn otečestva": Der “wahre Patriot”. In P. Thiergen (Ed.). *Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat* (pp. 347–367). Böhlau.
- Schochet, G. J. (1988). *The authoritarian family and political attitudes in 17th-century England: Patriarchalism in political thought*. Transaction Books.
- Setin, F. I. (1982). "Bukvari" Simeona Polotskogo v riadu drevnerusskikh uchebnikov XVI–XVII vv. [“Primers” by Simeon of Polotsk among Old Russian textbooks of the 16th–17th centuries]. In A. N. Robinson (Ed.). *Simeon Polotskii i ego knigoizdatel'skaia deiatel'nost'* (pp. 93–104). Nauka. (In Russian).
- Shustova, Iu. (2018). Neizvestnoe izdanie moskovskogo Bukvaria 1679 g. iz sobraniia otdela redkikh knig Rossiiskoi gosudarstvennoi biblioteki [Unknown edition of the Moscow Primer of 1679 from the collection of the Rare Books Department of the Russian State Library]. *Detskie chteniia*, 2018(1), 176–193. (In Russian).
- Wortman, R. S. (1995). *Scenarios of power: Myth and ceremony in Russian monarchy, Vol. 1: From Peter the Great to the death of Nicholas I*. Princeton Univ. Press.
- Zitser, E. A. (2004). *The transfigured kingdom: Sacred parody and charismatic authority at the court of Peter the Great*. Cornell Univ. Press.

Информация об авторе

**Александр Александрович
Рогожин**
кандидат исторических наук
член научно-исследовательской
группы, Православный Свято-
Тихоновский гуманитарный
университет
Россия, 127051, Москва, Лихов пер.,
д. 6, стр. 1
 rogozhin_alexander@bk.ru

Information about the author

Aleksandr Aleksandrovich Rogozhin
Cand. Sci. (History)
Member of the Research Group,
St. Tikhon's Orthodox University
for the Humanities
Russia, 127051, Moscow, Likhov
Pereulok, 6, Bld. 1
 rogozhin_alexander@bk.ru